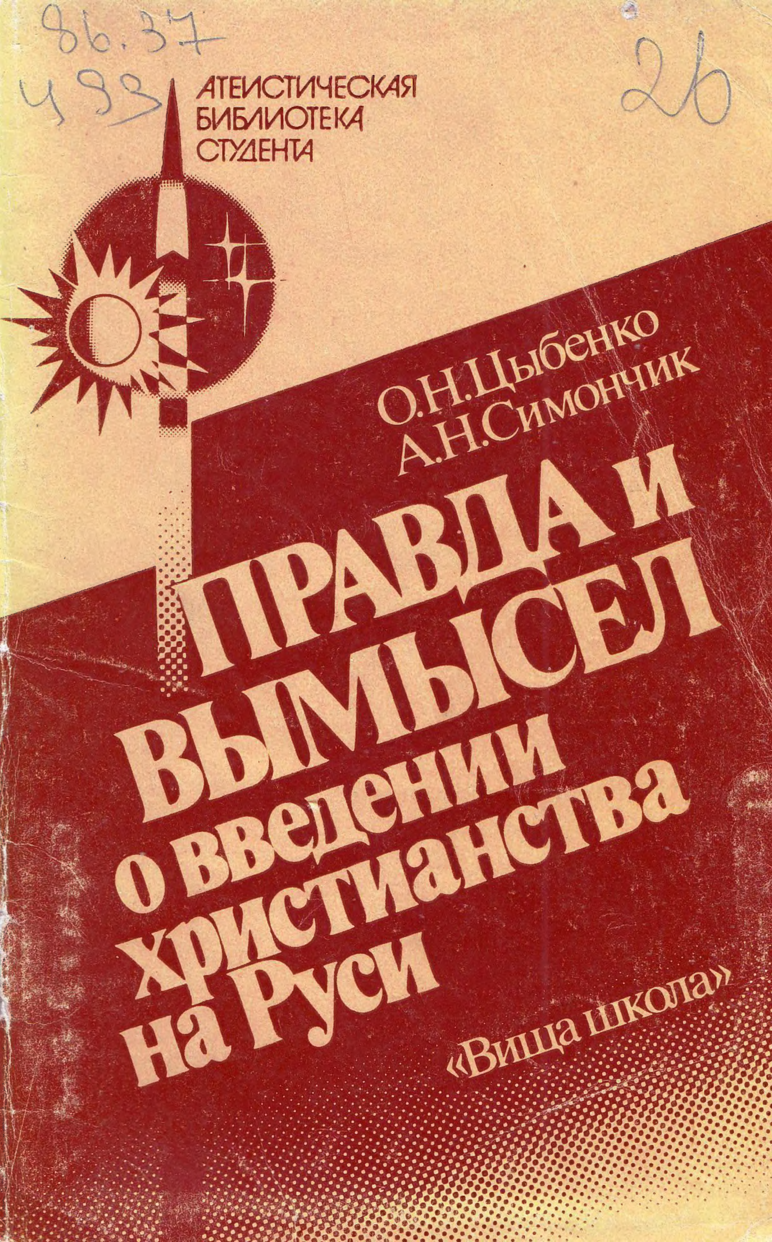

86.37
Ч 93
2б
АТЕИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
СТУДЕНТА
О.Н.Цыбенко
А.Н.Симончик
ПРАВДА И
ВЫМЫСЕЛ
о введении
христианства
на Руси
«Вища школа»

АТЕИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СТУДЕНТА

О. Н. Цыбенко
А. Н. Симончик

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ о введении христианства на Руси

Львов
Издательство
при Львовском государственном
университете
издательского объединения
«Вища школа»
1987

86.37
Ц93

В работе показана несостоятельность православно-богословских интерпретаций введения христианства на Руси. Исследуется самобытный характер древнерусской культуры и искусства, которые развивались не благодаря православию, а вопреки ему. Рассматриваются тенденции свободомыслия и атеизма в духовной жизни восточных славян. Раскрывается методология исследования культурного наследия, связанного в прошлом с религией.

Для преподавателей и студентов вузов.

Рецензент: канд. ист. наук А. И. Уткин (Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС).

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией Г. А. Маценко

Ц $\frac{0400000000-063}{М225(04)-87}$ БЗ-38-1-86

На современном этапе совершенствования социализма с особой остротой ставится задача существенной перестройки процесса коммунистического воспитания трудящихся. КПСС уделяет большое внимание воспитанию у советских людей умения с четких классовых позиций оценивать общественные явления, отстаивать идеалы и духовные ценности социализма [1].

Формирование нового человека, обладающего научно-материалистическим мировоззрением, органически включает в себя работу по преодолению пережитков прошлого, воспитанию непримиримости к реакционным традициям и взглядам, пережиткам, противоречащим нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению[2]. Идеологическую работу, в том числе атеистическую пропаганду, следует вести на научной основе, творчески, чтобы она «всегда была понятной и близкой людям, а значит, и более действенной» [3].

Действенность атеистической пропаганды в ее реальном гуманизме, в формировании ценностей духовной культуры, в научной критике религии с позиций марксистско-ленинской исторической науки. Атеистическое воспитание, утверждая активную жизненную позицию, развивая непримиримость к любым проявлениям религиозных пережитков, духовно раскрепощает людей, содействует приобщению их к сокровищам культуры.

В современных условиях обострения идеологической борьбы на международной арене, когда религия и клерикализм активно используются империалистическими кругами в идеологических диверсиях против СССР и других социалистических стран, особую актуальность приобретает выработка четкого классово-партийного подхода к оценке социальной сущности религии, ее роли в истории. Актуальность научной разработки этих проблем усиливается в связи с приближающимся 1000-летием введения христианства на Руси, которое идеологи православной церкви стремятся использовать в целях укрепления своего влияния на верующих.

В настоящее время православные богословы усиленно апеллируют к истории, стараясь представить введение христианства на Руси в 988 г. воплощением «божественного промысла», переломным моментом в исторических судьбах народов нашей страны, тенденциозно преувеличивают роль христианства и православной церкви в развитии культуры.

Как справедливо отмечает советский исследователь В. А. Зоц, в современных условиях православные идеологи пытаются заново «переосмыслить» историю, создать так называемую теорию творческой роли церкви на всех этапах человеческой цивилизации [4]. Богословское стремление представить введение христианства на Руси как эпохальное, общегражданское событие должно встретить аргументированную научно-атеистическую критику. Действительно, 988 г. — начало истории русской церкви. Но что касается государственности, культуры, литературы, то данное событие не было здесь ни изначальным, ни эпохальным [5].

Вокруг 1000-летия введения христианства на Руси развернута шумная антикоммунистическая кампания.

В. И. Ленин отмечал: «Философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры из прошлого» [6], чтобы, исказив их, использовать в своих классовых интересах. Поэтому научно аргументированное разоблачение православно-богословских и буржуазно-клерикальных фальсификаций введения христианства на Руси является неотъемлемой частью современной атеистической пропаганды.

В данной брошюре авторы подвергли критике православно-богословские фальсификации введения христианства на Руси.

В 80-е годы вышли в свет публикации, непосредственно посвященные научной критике православно-богословских фальсификаций введения христианства на Руси [7]. В этих работах с позиций марксистско-ленинской методологии раскрываются объективные причины введения христианства на Руси, его классовая сущность, оценивается роль православия в истории народов нашей страны.

Изыскивая пути вывода религии из кризиса в условиях социализма, православные богословы акцентируют внимание на существовании культурного наследия, в той или иной степени связанного с религией. Памятники церковного искусства используются для пропаганды религии как источника духовных ценностей. При этом ставка делается главным образом на молодежь. Нечеткость мировоззренческих позиций приводит к тому, что увлеченность церковным искусством перерастает в интерес к религии. Этим и объясняется наличие верую-

щих среди некоторых социальных групп молодежи.

В атеистической пропаганде, в борьбе против религиозных пережитков, за формирование коммунистической убежденности у всех членов общества исключительно большая роль отводится исследованию и использованию культурного наследия прошлого, связанного с религией. Церковное искусство «нужно вырвать из рук церкви, лишить церковь этого орудия» [8], — подчеркивал А. В. Луначарский.

Авторы брошюры пытаются показать самобытность древнерусской культуры, причины создания эстетических ценностей прошлого в религиозной форме, противоречия религиозного искусства, реакционную роль православия в истории культуры и искусства народов нашей страны.

Основное внимание авторы уделили критике несостоятельных утверждений православных апологетов о введении христианства на Руси как воплощении «божественного провидения», их попыток исказить его классовую сущность, а также преувеличить роль церкви в развитии культуры и искусства.

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С: 166.

[2] Там же. С. 54.

[3] *Горбачев М. С.* Живое творчество народа. М., 1984. С. 10.

[4] Антикомуністична сутність уніатсько-націоналістичної фальсифікації історії українського народу. К., 1984. С. 63.

[5] Наука и религия. 1983. № 12. С. 38.

[6] *Ленин В. И.* Доклад об объединительном съезде РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 22:

[7] *Гордиенко Н. С.* Крещение Руси. Л., 1984; его же. Мировоззренческая оценка процесса «христианизации» Руси. М., 1984; *Голобуцький П.* Православ'я, хрещення

Русі: правда і вигадки. К., 1982; *Ипатов А. И.* Православие и русская культура. М., 1985; *Зоц В. А.* Культура. Религия. Атеизм. М., 1982; его же. Атеїзм і духовна спадщина минулого. К., 1983; его же. Атеїзм і прогрес культури. К., 1985; Атеизм и духовная культура / Под ред. Зоца В. А. К., 1985; *Фуров В. Г.* Грани наследия. М., 1985; *Шамаро А. А.* Памятники архитектуры прошлого в атеистическом воспитании. М., 1985; его же. Памятники церковного зодчества в атеистическом воспитании / Вопр. науч. атеизма. М., 1982. Вып. 30; *Новиков М. П.* Атеизм в духовной жизни общества М., 1984; *Пищик Ю. Б.* Отношение к культурному наследию прошлого как социально-историческая проблема // Вопр. науч. атеизма. М., 1982. *Гордиенко Н. С.* Крещение Руси: Факты против легенд // Наука и религия. 1984. № 1, 2, 4; *Зоц В.* Теологічне трактування «культурної» функції християнства на Русі та його антиісторична сутність // Антикомуністична сутність уніатсько-націоналістичної фальсифікації історії українського народу. К., 1984; *Зуєв Ю.* Київська Русь і православ'я // Людина і світ. 1984. № 4 и др.

[8] *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? М., 1965. С. 407.

1. ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ И ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Введение христианства на Руси в конце X в. было вызвано объективными, социально-экономическими и политическими условиями развития древнерусского общества, усилением процесса его феодализации. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях» [1]. Исследования советских историков Б. А. Рыбакова, Б. Д. Грекова, М. М. Тихомирова [2] и других показали, что уже в VI в. у восточнославянских племен начался процесс формирования государственности, который завершился образованием в IX в. Древнерусского государства. С появлением крупного феодального землевладения усилился процесс централизации княжеской власти. Для управления своим государством князь назначал посадников. Как военному руководителю ему приходилось не только формировать дружину, но и созывать феодальное ополчение. Централизация княжеской власти не могла не отразиться на эволюции религиозных воззрений Древней Руси. С развитием производительных сил, ростом имущественного расслоения, обострением классовой борьбы внутри государства появляются слои населения, которые уже не удовлетворяет старая религия — племенное многобожие. Княжеско-дружинная верхушка, купечество, боярство

осознавали преимущества христианской монотеистической религии для укрепления своего классового господства. В условиях усиливающейся феодализации Руси конца X — начала XI вв. пантеон политеистических божеств древнеславянской религии уже не отвечал идеологическим потребностям феодального строя, перестал способствовать его укреплению. Христианство санкционировало феодальные порядки, окружило их «орелом божественной благодати» [3]. Оно стало религией господствующих классов Киевской Руси — феодалов, так как поддерживало усиление эксплуатации трудящихся, ссылаясь на «святое письмо», призывало к рабской покорности, обещая за это «вечное блаженство» в потустороннем мире. «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного. . .» [4]

Христианство на Руси было введено в форме его восточного ответвления — православия. Древнерусских князей вполне устраивал опыт феодальной Византии, которая с помощью православной церкви идеологически освящала гнет монархии и деспотизм. Церковь была надежным орудием в руках эксплуататорских классов. Как отмечал советский исследователь Н. М. Никольский, «новый христианский бог мыслился князьями именно как их специальный, княжеский бог. . .Он — верховный повелитель князей, дающий им власть, венчающий их на княжение, помогающий им в похо-

дах, принимающий их души в свои чертоги...»[5] Поэтому введение христианства на Руси князем Владимиром в 988 г., вызванное объективными причинами феодализации общественных отношений, явилось лишь началом длительного и сложного процесса насаждения его эксплуататорскими классами среди широких народных масс.

Несостоятельны утверждения современных православных богословов о якобы «радостном» восприятии христианства всеми социальными слоями древнерусского общества, его «быстром», «триумфальном» распространении по всей Руси. Обращение к древнерусским источникам, в частности летописям, свидетельствует о том, что добровольно принимали христианство «княжие мужи» (т. е. бояре, дружинники), «старейшины градские», а среди народных масс оно насаждалось силой, «мечом и огнем», поскольку его идеология содействовала закрепощению трудящихся. В «Повести временных лет» отмечается, что все, не желающие принять христианство, рассматривались князем Владимиром как его противники: «...если не придет кто завтра на реку (Почайну. — *О. Ц., А. С.)*, будь то богатый или бедный, нищий или раб — да будет мне враг»[6]. Дружинники князя насильно загоняли в реку взрослых и детей для крещения. В «Повести временных лет» рассказывается, что когда статую верховного бога язычников Перуна привязали к конскому хвосту и волочили по Боричеву взвозу, «оплакивали Перуна неверные»[7]. Нежелающих принимать христианство запугивали пытками, смертной казнью. Так, в Новгороде рабочий люд во главе с верховным жрецом Богомилом Соловьем оказал

княжеским дружинникам и епископу Иоакиму Корсунянину, пришедшим их крестить, вооруженное сопротивление. Тогда княжеский посадник Добрыня приказал поджечь дома новгородцев, в то время как тысяцкий Путята с 500 ростовскими воинами тайно ночью вошел в город, и с помощью военной силы заставил новгородцев принять крещение [8]. Надолго запомнились новгородцам эти события, так и осталось в народе поверье, что их Путята крестил мечом, а Добрыня огнем. При князе Владимире христианство распространилось лишь по узкой полосе, вдоль главного водного пути Киевской Руси от Киева к Новгороду, и в так называемой Червенской земле, где в 992 г. князь Владимир основал город своего имени и церковь Богородицы [9]. Но и в тех местах, где христианство считалось принятым, народные массы сопротивлялись новой вере. Оно воспринималось трудящимися массами Руси как нечто глубоко им чуждое, усиливающее княжескую и боярскую власть, классовый гнет. В Ростове первые два епископа Федор и Илларион вынуждены были бежать «от ярости язычников», против третьего епископа поднялся бунт[10], только четвертому удалось удержаться с помощью военной силы. Однако и он не смог принудить всех ростовчан принять новую веру. Епископ Бруно Кверфуртский, прибывший в Киев в 1008 г. от папы римского со специальной дипломатической миссией, докладывал в письме германскому императору Генриху II, что местное население только оружием можно обратить в христианство [11].

Во второй половине XIII в. началось насильственное введение христианства среди чуди заволжской, к середине XIV в. разверну-

лась деятельность христианских миссионеров среди лопарей. В XIII—XIV вв. с благословения духовных владык началось растянувшееся на столетия насаждение христианства мечом и огнем среди жителей Вятского края.

В грамоте митрополита Ионы вятскому духовенству отмечалось, что служители церкви замучили, заморили голодом, сожгли в избах многих людей — мужчин, старцев и детей, проявивших непокорность церковной власти [12]. Монастыри и церкви захватывали лучшие земли и лесные угодья, разоряли местное население поборами. Начавшееся со второй половины XVI в. приобщение татар к христианской вере также сопровождалось жестокостью и насилием. Их выселяли из деревень, сажали в тюрьмы, держали в цепях [13]. Однако даже такие инквизиторские меры насаждения христианства не давали господствуюшим классам желаемых результатов. Так, в донесении миссионеров царю Федору подчеркивалось, что и после десятка лет миссионерской деятельности среди коми и удмуртов местное население не носит крестов, не держит дома икон, треб не исполняет, браки справляет по-старому обычаю, не соблюдает постов [14]. В 1743—1745 гг. против насаждения христианства восстало мордовское население одной из волостей Нижегородской губернии (терюшевская мордва) [15]. Они жаловались императрице Елизавете, что епископ Димитрий принуждает их к принятию христианства, держит в цепях и колодках, бьет «нестерпимо, смертно», «многих в купель погружали связанными и крест одевали на связанных же» [16].

Насильственное введение христианства среди нерусских народов продолжалось и в XIX в.

Епископ Вениамин, один из инициаторов насаждения христианства на Севере, откровенно заявлял, что «православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и чужой национальностью... чтобы сделать их (северные народы. — *О. Ц., А. С.*) не только по вере, но и по национальности русскими» [17].

Таким образом, процесс насаждения христианства на Руси господствующими классами растянулся на столетия, кое-где затянулся до начала XX в. и, по существу, остался незавершенным. Как справедливо отмечает академик М. Н. Тихомиров, «распространение религиозных верований является процессом гораздо более длительным, чем признание той или иной религии официальным вероисповеданием» [18]. Эта характеристика полностью касается и процесса введения христианства на Руси.

Сопротивление народных масс введению христианства носило закономерный характер, поскольку этот процесс неизбежно сопровождался их дальнейшим закрепощением, появлением новых угнетателей — церковно-монастырских духовных владык. С начала своего основания православные церкви и монастыри стали получать церковную десятину — пожалования от княжеских даней и княжеского суда [19]. Так, после введения христианства киевский князь Владимир построил церковь, на содержание которой отдал десятую часть своих доходов от имений и городов, поэтому церковь и была названа Десятинной. Сын Владимира, князь Ярослав, давал на содержание церквей «урок», т. е. определенную часть доходов от княжеских имений [20]. Князь Ярополк Изяславович (вторая половина XI в.) передал

3—4129

Киево-Печерскому монастырю часть своих имений, а, кроме того, четыре волости, одну из них около Киева со всеми сидевшими там крестьянами [21].

Князь Глеб Всеславович пожертвовал этому же монастырю 600 гривен серебра и 50 гривен золота. Его жена после смерти князя передала Печерскому монастырю 100 гривен серебра и 50 гривен золота, а после своей смерти завещала пять сел с челядью [22].

С конца XI — начала XII в., как свидетельствуют исторические источники, церкви и монастыри становятся крупными земельными собственниками. Такими собственниками одними из первых стали новгородские и смоленские монастыри. Новгородский Рождественно-богородичный монастырь получил в дар от князя село Волховское с холопами и рыбные ловли, другой новгородский монастырь — Юрьевский получил в 1130 г. от князя Мстислава волость Буец и часть княжеских доходов — брачные пошлины и княжеские сборы в осенний проезд. Основанной в 1136 г. Смоленской епископии князь Ростислав передал села, озера, сенокосы. За чрезмерные поборы был изгнан в XI в. жителями Ростова и Суздаля епископ ростовский Леонтий [23]. Крестьяне открыто заявляли строителям церквей и монастырей: «Почто в нашей земле построил еси монастырь? Или хощеши землями и селами нашими обладати?» [24], изгоняли их из своих сел, а иногда и убивали. Например, в житии Димитрия Прилуцкого рассказывается, что как только этот «подвижник» стал проводить богослужения в церкви на реке Леже, местное население возмутилось: «По мале же времени совладеет нами и села нашими» [25].

Димитрий вынужден был уйти ни с чем. Такая же история произошла и с Данилом Переяславским. Крестьяне окрестных сел приходили к нему «с оружием и дрюками». Григория и Касьяна Авнежских местные жители убили, а построенный ими монастырь сожгли [26].

Одна из черниговских митрополий охватывала земли с сидящими на них крестьянами от Чернигова на западе до Рязани и Мурома на востоке [27]. В церквах и монастырях устраивались товарные склады, защищенные от пожаров каменными стенами. Церкви получали большие доходы от богослужений, контроля за торговлей [28]. Экономическая мощь церквей и монастырей настолько возросла, что церковные феодалы стремились юридически закрепить свое право на земельные богатства.

В первом письменном своде древнерусского права эпохи Киевской Руси — «Русской правде» (XI в.) — нашло отражение усиление феодальной зависимости смердов, закупов, холопов от светских и духовных феодалов, ужесточилась ответственность за поджоги, посягательства на имущество и жизнь угнетателей [29]. В. И. Ленин писал, что в «XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская правда») и «записывались» за помещиками» [30]. В XII в. церковные иерархи получили право судить гражданские дела о браках, имущественных спорах супругов, часть наследственных дел и другие («церковные суды» или «тяжи епископские»), а также судебную власть над населением тех земель, которые были феодальной собственностью церкви [31]. Например, смоленский епископ Мануил получил около 1150 г. грамоту от князя Ростислава, предоставившего епископии право

суда над должниками со сбором соответствующих пошлин, а также десятины от всех даней смоленских в сумме 4000 гривен [32]. Это сделало церковь неотъемлемой частью государственного аппарата, служившей его укреплению, и одновременно пособницей закрепощения трудящихся масс. «Святыня православия, — отмечал В. И. Ленин, — тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! [33].

В ответ на усиление кабальной зависимости, увеличение феодальных повинностей в XI—XII вв. вспыхнул ряд народных восстаний: в 1024 г. в Суздальской земле, 1068 г. — в Киеве, 1071 г. — на Белоозере и в Новгороде, 1088 г. — в Ростовской земле, 1113 г. — в Киеве и др. Эти восстания носили не только антикняжеский, антибоярский, но и ярко выраженный антицерковный характер. Особенностью всех средневековых общественных и политических движений, в том числе в Древней Руси, была их религиозная форма. Как подчеркивал В. И. Ленин, было время в истории, когда борьба «шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой» [34]. Так, в 1024 г. во главе восстания против княжеской знати в Суздальской земле стали волхвы—служители культа древнеславянской религии. И это не случайно. Увеличение феодальных поборов ассоциировалось в народном сознании с появлением христианской религии, а дохристианский период — со временем древнего народоправия и личной свободы. Князь Ярослав «изьимав волхвы, расточи, а другия показни», причем сопровождал эту расправу рассуждениями о том, что в голоде никто не

виноват, так как всякие бедствия происходят по «божьей воле» и не могут вызывать гнева на «старую чадь»[35] (т. е. знать). В 1071 г. развернулось массовое антифеодальное движение смердов в Ростовской земле против зажиточных людей, прятавших запасы хлеба, рыбы и меда. Восстание снова возглавили волхвы-смерды. По приказу тысяцкого князя Святослава Яна Вышатича волхвы были убиты и повешены на дубе[36]. Во время восстания в Новгороде в 1071 г. князь Глеб собственноручно зарубил топором одного из руководителей восстания — волхва, который выступал против христианства[37]. В 1113 г. в Киеве восстали городские низы и к ним присоединились крестьяне окрестных сел. Напуганная размахом народного движения знать пришла к князю Владимиру Мономаху и просила его занять освободившийся после смерти Святополка престол: «если ты не пойдешь, много зла произойдет, нападут на невестку твою и бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят монастыри»[38].

Как видим, в социально-классовом плане христианство с самого начала его введения на Руси идеологически оправдывало власть имущих, классовый гнет. Оценивая историческую роль христианства с научных позиций, следует различать роль православия как религиозного мировоззрения и роль церкви как социального института. Православие как религиозная идеология, антинаучное, идеалистическое в своей сущности мировоззрение не играло и не может играть прогрессивной роли. Его главная социальная функция — иллюзорно-компенсаторная, опиум народа в условиях классового антагонистического общества. Оп-

равдывая устои эксплуатации, утешая угнетенных небесным воздаянием за земные невзгоды, религия отвлекает трудящихся от революционной борьбы, пытается примирить с угнетением. Однако наряду с религиозными функциями церковь выполняет и некоторые нерелигиозные. Поэтому в ряде случаев отдельные церковные деятели могли стоять на прогрессивных политических позициях (например, в период борьбы с феодальной раздробленностью). Но эти действия не вытекали из сущности православного мировоззрения, а были вызваны объективными социально-экономическими и политическими условиями. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что ряд церковных иерархов, например новгородские и псковские, упорно противились образованию единого Российского государства, пытались отстоять свою самостоятельность [39]. Насколько напряженными были отношения между высшими церковными властями и государством в период образования и укрепления единого государства, свидетельствует, в частности, тот факт, что между 1461 и 1589 гг. (временем учреждения патриаршества) в Московской митрополии сменились 14 митрополитов, и только пять находились во главе церкви до своей смерти, девять либо были низложены светской властью, либо вынуждены покинуть митрополию [40].

Необходимо также отметить полную несостоятельность утверждений современных православных теологов о якобы «особой чистоте», «истинности», «божественной мудрости» христианской религии в отличие от предшествующей. Несмотря на различия между ними нельзя их противопоставлять, как это делают

богословы. Ф. Энгельс отмечал: «Чтобы стать религией, монотеизм с давних времен должен был делать уступки политеизму»[41], и православная церковь не составляла в этом плане исключения. Православие на Руси сохранило элементы политеистической религии славян, многие божества родоплеменной религии были возведены православной церковью в ранг православных «святых» — Велес, покровитель скота у древних славян, стал «святым» Власием, Иван Купала — Иоанном Крестителем, Перун, повелитель молний, возродился в образе грозного Ильи-пророка, Сварог, покровитель кузнецов, был заменен двумя христианскими «святыми» Козьмой и Демьяном, дохристианский культ рожениц — культом богородицы и т. д. Делая уступки пережиткам дохристианской религии, православные апологеты стремились активизировать и ускорить процесс приобщения широких народных масс к христианству. Ряд «святых» превратились в покровителей тех или иных видов сельскохозяйственных работ или целителей определенных болезней. Например, при лечении лихорадки призывался «святой» Михаил, при укусе гадюки — «святой» Пантелеймон, при головной боли — Иоанн Креститель, «мученик» Лонгин помогал от глазных болезней, «священномученик» Антипа — от зубной боли, «мученик» Конен — от оспы и т. д.[42]

Своеобразной синкретизации подверглись праздники культа Христа, богородицы, «святых», вобрав в себя элементы праздников древних славян. Например, рождество Христово и крещение, слившись с древнеславянским святочным циклом, неизменно сопро-

вождались песнями, играми, хороводами, несмотря на попытки церкви противостоять языческим традициям славянского быта [43]. Православный культ воспринял многие магические, фетишистские, тотемистические элементы древнеславянской религии. В молитвах и заговорах христианские «святые» стали рядом с дохристианскими, как бы усиливая их магическое действие. Вот как звучал, например, христианизированный вариант заговора скота от падежа: «Господу богу помолюся, и святой деве, и святому Миколаю, и святой пречистой, святому вознесению, святой покрове и святому Юрью, и тебе прошу, Красное солнце, и тебе прошу, ясный месяц, и вас прошу, зори-зоряницы, божии помощницы, и тебе прошу, галочко, и отверни злых собак от моего скота. . .» [44]

Магические средства и погребальные обряды сохранились без изменений, и лишь кое-где дополнялись применением «святой» воды и «святого» масла. Как отмечает советский исследователь А. А. Шамаро, «христианство вживалось в народное, крестьянское бытие долго и трудно и смогло закрепиться в нем лишь в результате фактического компромисса с язычеством, вобрав в себя характерные для него представления и примирившись с тем, что народное веросознание заставило многих христианских «святых» исполнять обязанности языческих богов» [45].

Культ политеистических божеств держался в обыденном религиозном сознании довольно долго. Церковный автор «Слова о том, како первое погани суще, языци кланялись идолам» (XI в.) вынужден был констатировать, что по окраинам и ныне молятся ему, «про-

клятому Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилам и творят то потай»[46]. Автор «Начальной летописи» вынужден был признать, что люди его эпохи только на словах христиане, а на деле язычники, и службу в церквах посещают немногие[47]. В конце XI в. киевский митрополит Иоанн жаловался, что многие не принимают причастия, церковный обряд венчания соблюдается только боярами и князьями, а простые люди заключают браки по языческим обычаям[48].

В величайшем поэтическом памятнике Древней Руси «Слове о полку Игореве» встречается много образов дохристианской, политеистической религии славян (вспомним, например, как молит Ярославна бога Солнца снизойти к ее мужу и его воинам; обращается к ветру-ветриле и т. д.). Эти примеры неопровержимо свидетельствуют о том, что божества древнеславянской религии жили в сознании людей конца XII в., и это была своеобразная форма борьбы против насаждения чуждого народу христианства.

Широко распространенное в религии древних славян почитание ручьев, рек, колодцев христианство тоже включило в свою систему. Народные представления были оформлены церковными идеологами в культ Параскевы-Пятницы, «охранительницы» водных источников. Очистительная сила воды чествовалась на празднике Иоанна Крестителя, в котором еще в начале XX в. сохранялись следы почитания дохристианского божества Ивана Купалы.

Как показали исследования академика Б. А. Рыбакова, дохристианские «русальские обряды, призванные «обеспечивать» пло-

дородие земли, хороший урожай, имели место в русских городах вплоть до XIX в.» [49] Таким образом, сохранение ряда элементов политеистической древнеславянской религии в православии свидетельствует о несостоятельности богословских измышлений о его якобы «особой чистоте», «божественно-провиденциалистском» характере и т. п.

Следует отметить, что под влиянием социального и духовного прогресса на Руси постепенно складывались и развивались идеи свободомыслия, антиклерикализма, скептицизма, атеизма. Уже в XI в. церковный деятель Яков для характеристики тех, кто отрицательно относится к предписаниям церкви, использует термин «безбожник» [50].

Свободомыслие, равнодушное отношение к церковным требованиям тормозили распространение христианства по всей территории Руси.

В антирелигиозных взглядах мыслителей Древней Руси встречаются попытки отрицать центральную идею любой религии — веру в реальное существование сверхъестественного. В «Житии Нифонта» (XI в.) сохранилось свидетельство о людях, которые открыто заявляли монахам: «Бога нет!» [51].

В сочинениях древнерусских мыслителей критиковалась библейская легенда о шести днях творения мира богом, доказывалась абсурдность веры в существование «единой троицы» и т. д. Это заставляло апологетов христианства посылать проклятия по адресу проповедников еретических взглядов. В 159-м правиле христианского «Устава для мирян», который митрополит киевский Георгий (XI в.) читал верующим перед причастием, провоз-

глашалось: «Если кто думает, что все видимое и невидимое не создано богом, да будет проклят, если кто не верит в святую нераздельную троицу, да будет проклят»[52] и т. д.

Церковный автор «Наставления о суде и милостыне» (XII в.) с сожалением отмечает, что паства благосклонно и доверчиво слушаѐт еретических проповедников, которые выступают на светских праздниках и собраниях со своими поучениями[53].

«Священные» для верующего человека понятия и имена народ сочетал с понятиями низменными, что, например, проявилось в названиях православных храмов: Спас на Глинище, Троица во Грязях, Никита на Вшивой горке. Величайшую христианскую реликвию церковь Воздвижения креста на Пометном вражке «просторечие запросто водрузило... над городской помойной ямой»[54]. В связи с этим великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский писал, что русский народ «по натуре глубоко атеистический народ... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме»[55].

Православные иерархи безжалостно расправлялись со свободомыслящими и еретиками. Наиболее опасных сжигали, отрезали им языки, многих бросали в монастырские тюрьмы. В 1227 г. в Новгороде за еретические мысли были сожжены четыре человека[56]. Епископские суды во Владимире, Суздале, Пскове и других городах применяли изощренные пытки над еретиками. Некоего Дмитра, поучения которого носили ярко выраженный антифеодальный, антиклерикальный характер,

митрополит Никита в 1123 г. приказал заточить в темницу [57].

Анонимный автор древнерусского «Слова от святых отец, как христианам жить» советует властям не миловать «зло творящих перед богом», «не слушающихся духовного учения» и требует судить их и без сожаления «влагать в конечные муки» [58].

Критический анализ современной православно-богословской литературы и церковных проповедей свидетельствует о том, что апологеты православия активизировали попытки обелить классовую суть церкви в эксплуататорском обществе, придать ей репутацию «патриотической силы», «поборника социальной справедливости», скрыв антинародную деятельность православных «святых» и «чудотворцев». С этой целью предпринимаются попытки модернизировать традиционную православно-богословскую интерпретацию места и роли «святых» в религиозной и светской жизни.

Духовенство настоятельно подчеркивало, что особая их заслуга в отшельничестве, строгом аскетизме, удалении от «грешного мира». Церковь призывала верующих следовать их примеру, не поддаваться различным искушениям, прежде всего, не принимать революционные идеи и стремиться обрести «жизнь вечную».

Эти моменты в толковании роли «святых» и сейчас не отбрасываются церковью. Однако, стремясь быть понятнее современным верующим, многие служители культа подчеркивают, что якобы особая заслуга православных «святых» и «чудотворцев» заключается в том, что они вдохновляли народные массы на борь-

бу с внешними врагами. При этом современные богословы предают забвению антипатриотическое поведение иерархов православного духовенства во время нашествия золотоордынских ханов на Русь в XIII в. Народные массы везде вели героическую борьбу с завоевателями. Города, которые оказывали сопротивление, были разрушены, а их население истреблено. А служители православного культа в это время или позорно бежали [59], или устраивали полчищам Батыя торжественную встречу, крестные ходы, умоляя народ «положиться на милость божью». Митрополиты и епископы православной церкви вместе с князьями-изменниками первыми бросились в столицу Золотой Орды на поклон к ханам, получать ярлыки на управление епархиями. В ярлыке, дарованном митрополиту Петру Ратенскому ханом Узбеком, отмечалось: «И от Петра митрополита никто же дани не взымет, и от всех людей его и от всего причта: те бо за нас бога молят, нас блюдут и наше воинство укрепляют», а нарушителям этих прав угрожала смертная казнь [60]. В 1343 г. ордынским ханом Джанибеком был освобожден от уплаты ежегодной дани митрополит Феогност [61]. В 1357 г. митрополит Алексей, посетив Золотую Орду, получил подтверждение всех привилегий церкви от хана Бердибека и был отпущен с почетом [62].

Митрополит Кирилл учредил православную епископию в ханской столице и получил от золотоордынского хана Менгу-Тимура жалованную грамоту, освобождавшую русское духовенство от дани и повинностей. Духовные феодалы не оставались в долгу, всячески поддерживая поработителей. Установление золо-

тоордынского ига на Руси православные иерархи объясняли утратой народом «религиозного рвения», «ослаблением благочестия» и призывали трудящихся к покорности и смирению душителям свободы древнерусской земли.

Так, один из прославляемых православной церковью «святых» XIII в., игумен Авраамий, в своих проповедях призывал народ к покаянию в условиях золотоордынской власти, учил усматривать в бедствиях целых народов меру их «внутренней греховности» [63]. Не случайно особой грамотой 1267 г. завоеватели установили неприкосновенность церковных владений [64]. Пользуясь этой привилегией и освобождением церкви от дани, православные иерархи увеличивали свои земельные владения, еще больше закрепощали крестьян. По словам Г. В. Плеханова, золотоордынское нашествие «принесло большую пользу «богомольцам» Русской земли, которые, со своей стороны, умели ценить любезность «неверных и нечестивых царей» [65]. Исторические факты свидетельствуют, что позиция идеологов православия в период золотоордынского нашествия была, по существу, антинародной, антипатриотической, преследовала узко классовые цели дальнейшего закрепощения трудящихся масс Древнерусского государства.

Лишь после того как борьба народных масс Руси против ордынских захватчиков вступила в завершающий период, некоторые православные иерархи в условиях реальной возможности победы над врагом благословили борьбу трудящихся против угнетателей.

Современное духовенство превозносит деятельность московского патриарха Гермогена (XVII в.), изображая его патриотом, заботя-

щимся об интересах простых людей[66]. В такой трактовке деятельности Гермогена налицо сознательное искажение исторической правды, ибо, как свидетельствуют исторические документы XVII в., патриарх Гермоген защищал не интересы народа, а интересы феодалов-эксплуататоров, активно помогал боярскому царю Василию Шуйскому в подавлении крестьянской войны под предводительством Ивана Болотникова (1606—1607 гг.), называл восставших крестьян не иначе, как ворами, разбойниками, злодеями[67], предавал анафеме крестьянских предводителей, приказывал духовенству с оружием в руках выступать против восставших.

Несостоятельность попыток современных богословов изобразить «святых» выразителями и защитниками интересов трудящихся разоблачается анализом их социального состава. В абсолютном большинстве они были выходцами из среды господствующих классов: князей, помещиков, высших духовных лиц и т. п. Так, более трети канонизированных за первые 550 лет существования христианства на Руси «святых» принадлежали к княжескому роду[68]. Как показали исследования профессора Н. С. Гордиенко, из 400 «святых», упоминаемых в православном церковном календаре, лишь несколько являются выходцами из социальных низов[69].

Современные церковнослужители восхваляют «патриотическую» деятельность настоятеля Почаевского монастыря Иова Зализо (Почаевского) (XVII в.). Широко рекламируется милосердие Иова по отношению к простым людям, подчеркивается, что он якобы был верным сыном своего народа. Такое возвеличи-

вание преследует цель привлечь внимание к этому «чудотворцу», и вызвать у верующих чувство благоговейного почитания, а тем самым и усилить интерес к Почаевской лавре. Исторические факты свидетельствуют о том, что в действительности игумен Иов занимался не столько молитвами, сколько защитой интересов феодалов, а сам был крупным ростовщиком. Он вел многочисленные судебные тяжбы за увеличение земельных угодий и денежных доходов Почаевского монастыря, на монастырских землях установил барщину для крестьян продолжительностью 5—6 дней в неделю. Не вынеся тяжелой эксплуатации, крепостные убегали из владений Почаевской лавры [70].

Иов называл крестьян «негодными людьми», поучал их терпеть скорби, не осуждать жестокости богачей, оправдывал угнетение народных масс, примиряя их с эксплуататорами. Страх перед нарастающим размахом освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. заставил Иова Почаевского занять антипатриотическую позицию и перейти на сторону злейшего врага восставших — магната Иеремии Вишневецкого. Свои личные и классовые интересы Иов ставил выше народных.

Упорную борьбу народных масс Украины за свою свободу и независимость современные богословы пытаются изобразить как вдохновленную православной верой, а ее апологетов — «святыми», «подвижниками» и т. п. Умаляя решающую роль трудящихся масс в освободительной войне украинского народа против польских феодалов в 1648—1654 гг., современные идеологи церкви неизменно под-

водят верующих к мысли, что православная вера была неисчерпаемым источником всенародного подвига наших предков.

Как отмечал В. И. Ленин, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития» [71]. Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. не представляла в этом отношении исключения. В ходе этой борьбы православная вера нередко выступала средством сплочения народных масс против политики окатоличивания украинского народа, проводимой польскими магнатами. Но это не означает, что православная вера и церковь сыграли решающую роль в судьбе украинского народа, поскольку не религия, а объективные законы общественного развития определяют ход развития общества. Православная религия на протяжении столетий затушевывала классово-социальный смысл национально-освободительной борьбы украинского народа, ее антифеодальный, революционный характер, поскольку сама церковь была крупным феодалом-эксплуататором и освящала существующий феодальный строй. Как отметил А. И. Герцен, она «высказала каменное равнодушие к народному делу... возмутительное, преступное бездушие, с которым... смотрела из-под клобуков своих, перебирая четки, на злодейства помещиков, на насилия...» [72] Вот почему попытки современных богословов представить православную веру и церковь решающим фактором национально-освободительной борьбы народов нашей страны против чужеземных агрессоров, изобразить православных апологетов защитниками трудящихся несостоятельны.

Православные церковнослужители вынуждены модернизировать каноническую трактовку понятия религиозного подвижничества, они отходят от традиционной его интерпретации «бегства от мира сего», удаления «в пустынные обители» как непонятной и чуждой абсолютному большинству верующих в нашей стране. Хотя определенная их часть все же не отказывается от своей приверженности традиционным взглядам, призывает верующих неукоснительно следовать примеру «святых» в аскетизме, соблюдении постов, поддержании молитвенного настроения, чтобы таким путем укрепить сильно пошатнувшееся у большинства верующих религиозное рвение. Эти потуги подстроиться под запросы современного верующего или вернуть его в средневековье не меняют антинаучной сущности православия. Они лишний раз свидетельствуют о том, что его защитники используют любую возможность, чтобы поднять авторитет религии, продлить ее существование в условиях социалистического общества.

Модернизм и консерватизм в современной *православной интерпретации роли «святых»* преследует общую цель: укрепить религиозную идею о якобы непроходящем значении православной веры в жизни человека. Искажается действительная сущность исторических событий, непомерно возвеличивается роль «святых» и «чудотворцев», принижается роль народных масс как движущей силы исторического развития.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» № 2 // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 211.

[2] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; *Греков Б. Д.* Киевская

Русь. М., 1953; *Тихомиров М. М.* Древняя Русь. М., 1975.

[3] *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 306.

[4] *Маркс К.* Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 204.

[5] *Никольский Н. М.* История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 36.

[6] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 279.

[7] Там же.

[8] *Янин В.* Как и когда крестили новгородцев? // Наука и религия. 1983. № 11. С. 30.

[9] Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.): Критические очерки / Под ред. Смирнова Н. А., М., 1967. С. 41—45.

[10] *Никольский Н. М.* История русской церкви. С. 23.

[11] Атеїзм і культурний прогрес. К., 1977. С. 153.

[12] *Михайлов Г. А., Зуев Ю. П.* Критика богословской фальсификации истории России. М., 1977. С. 36.

[13] *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России. М., 1964. С. 90—91.

[14] *Кудряшов Г. Е.* Православная христианизация нерусских народов // Вопр. науч. атеизма. М., 1980. Вып. 25. С. 157.

[15] *Локшин А.* Крепость в низовских землях // Наука и религия. 1984. № 6. С. 32—33.

[16] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? К., 1983. С. 103.

[17] *Михайлов Г. А., Зуев Ю. П.* Критика богословской фальсификации истории России. С. 36—37.

[18] *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. С. 262.

[19] *Щапов Я. Н.* Становление древнерусской государственности и церковь // Вопр. науч. атеизма. М., 1976. Вып. 20. С. 161.

[20] *Никольский Н. М.* История русской церкви. С. 36.

[21] Там же. С. 34—36.

[22] Хрестоматия по истории СССР / Под ред. Тихомирова М. Н. М., 1960. С. 252.

[23] Хрестоматия по истории СССР. С. 245; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 41; *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? С. 43.

[24] *Никольский Н. М.* История русской церкви. С. 65.

[25] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? С. 130.

[26] Там же.

[27] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 489—490.

[28] Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.) С. 53.

[29] Хрестоматия по истории СССР. С. 202—203.

[30] *Ленин В. И.* Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 131.

[31] *Щапов Я. Н.* Становление древнерусской государственности и церковь. С. 167.

[32] Памятники русского права. Вып. 2. С. 39—42.

[33] *Ленин В. И.* Политическая агитация и «классовая точка зрения» // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 265.

[34] *Ленин В. И.* А. М. Горькому // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

[35] Повесть временных лет. Т. 1. С. 99—100.

[36] Там же. С. 317—320.

[37] Там же. С. 321.

[38] Там же. С. 399.

[39] *Сахаров А. М.* Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопр. науч. атеизма. М., 1976. Вып. 20. С. 172—173.

[40] Там же.

[41] *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 490.

[42] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? С. 94.

[43] *Ипатов А. Н.* Вопросы атеистического воспитания в свете этноконфессиональной специфики религии // Вопр. науч. атеизма. М., 1978. Вып. 23. С. 93.

[44] *Никольский Н. М.* История русской церкви. С. 29.

[45] *Шамаро А. А.* Памятники церковного зодчества в атеистическом воспитании // Вопр. науч. атеизма. М., 1982. Вып. 30. С. 268.

[46] *Греков Б.* Киевская Русь. С. 382.

[47] *Никольский Н. М.* История русской церкви. С. 28

[48] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. М.; Л., 1966. С. 192—193.

[49] *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут // Сов. археология. 1967. № 2. С. 91—116.

[50] Атеїзм і культурний прогресс. К., 1977. С. 150.

[51] Там же. С. 155.

[52] Там жс. С. 156.

[53] Там же. С. 157.

[54] *Шамаро А. А.* Памятники церковного зодчества в атеистическом воспитании. С. 270.

[55] *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю // Черный туман: Выдающиеся мыслители, ученые, писатели, общественные деятели о реакционной сущности религии и церкви. М., 1976. С. 155.

[56] Полное собрание русских летописей. Л., 1962. Т. 3. С. 29.

[57] Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). С. 60.

[58] *Дмитрієв М.* Православ'я і єретики // Людина і світ. 1983. № 10. С. 42.

[59] *Гордієнко М. С.* Православна церква в період золотоординської навали // Людина і світ. 1984. № 11. С. 37.

[60] *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст. К., 1983. С. 109.

[61] Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.) С. 64.

[62] Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 468—469.

[63] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? С. 181.

[64] *Будовниц И. У.* Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига // Вопр. науч. атеизма. М., 1959. Вып. 8. С. 284.

. [65] *Плеханов Г. В.* О религии и церкви. М., 1957. С. 384.

[66] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? **С. 90.**

[67] Восстание Ивана Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 196—197.

[68] *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975. С. 97.

[69] *Гордієнко М. С.* Православні святі: хто вони? С. 47.

[70] Государственный архив Тернопольской области, ф. 258, оп. 2, д. 69, л. 1.

[71] *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

[72] *Герцен А. И.* Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ // Черный туман. С. 165.

2. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНО-БОГОСЛОВСКИХ ОЦЕНОК РОЛИ ХРИСТИАНСТВА В РАЗВИТИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Современные православные богословы рассматривают православие как источник и основу духовной культуры народа, однако ни христианству, ни любой другой религии не принадлежит культурообразующее начало.

Основой формирования и развития древнерусской культуры были предыдущие культурные достижения славянских народов. Многовековые культурные традиции Древней Руси, народное творчество получили свое развитие в культуре последующих эпох.

Развитие же древнерусской культуры в рамках суровых религиозных канонов отображало суть феодальных отношений, когда феодалы, князь и церковники выступали заказчиками больших культовых зданий.

Фантастически-превратное отражение действительности обусловило негативную историческую роль религии в генезисе культуры.

Повышенный интерес к русскому православию со стороны богословов, разного рода «советологов», «специалистов» по религиозным вопросам заключается прежде всего в стремлении доказать, что развитие массового атеизма в советском обществе отрицательно отразилось на его духовном развитии. Главная причина внимания церкви к развитию духовной культуры — глубокий, безысходный кризис, переживаемый религией, в частности православной [1]. Ссылаясь на достижения церковного искусства, православные идеологи пред-

ставляют религию как «ничем не заменимый» хлеб духовный, добиваются признания ее исторической роли. Православные богословы призывают священников и паству не отставать от достижений культуры, делая упор на то, что современная культура — якобы последовательное продолжение религиозной. Более того, даже социалистическая культура, по их утверждению, вбирает идеи «религиозной культуры». Таким образом, современная тактика православия по отношению к социалистической культуре — не борьба с ней, хотя и встречаются отдельные рецидивы религиозной непримиримости, а заимствование из нее для поднятия престижа религии [2]. Модернизация религии усложняет задачи атеистического воспитания, ибо идеи исключительной роли церкви в становлении культуры способны оказать воздействие на некоторую часть верующих. Отказ православной церкви от реакционных социально-политических ориентаций и переход на лояльные позиции по отношению к политике Советского государства и Коммунистической партии маскируют реакционную сущность религии. Тем самым создается благоприятная почва для усиления религиозного влияния на прихожан, а также на тех, кто не имеет прочных научно-атеистических убеждений. Частью молодых людей религия воспринимается сегодня как явление экзотическое, утратившее свое реакционное содержание. Самоапология православия при помощи обращения к культурному наследию прошлого, в той или иной степени связанному с религией, предпринимается в период возрастающего интереса трудящихся, особенно молодежи, к культурному наследию Древней Руси. Попадая

под влияние произведений церковного искусства, созерцая пышную церковную обрядность, часть молодежи усваивает неполное, а то и просто неверное представление о религии, лишенное классовой, социальной оценки. Поэтому разоблачение богословских фальсификаций духовной культуры является актуальной проблемой нашей контрпропаганды. Православие, как и другие религии, всегда противостояло и противостоит подлинной общечеловеческой культуре. Как любая религия, православие является «врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия. . .»[3]

Сущность традиционной православной концепции культуры заключается в принижении творческих возможностей человека, подчинении его богу.

Было бы, конечно, неправильно отрицать определенную относительно положительную роль, которую сыграло введение христианства на Руси в развитии ее культуры на определенном этапе исторического развития. Степень влияния христианства, церкви на культуру, мировоззрение и философскую мысль наших народов должна определяться тщательным исследованием конкретного материала[4]. История не отрицает, что отдельные религиозные деятели сыграли положительную роль в развитии древнерусской культуры. Так, письменность развивалась в основном в монастырях. Значительным культурным центром Киевской Руси был Софийский собор. Ярослав Мудрый, основатель Софии Киевской, был большим любителем и собирателем книг. Но безосновательными являются богословские утверждения о том, что православие всегда стимулировало культурный прогресс. Единственно верной и

точной оценкой православия является марксистское определение: «религия есть *опиум* народа»[5]. Развитие древнерусской художественной культуры было обусловлено наличием богатого духовного наследия восточных славян, которое в свою очередь стало источником развития культуры трех народов-братьев — русского, украинского, белорусского[6].

К моменту введения христианства на Руси на ее территории существовала самобытная материальная и духовная культура. Кроме чисто славянских в искусстве Киевской Руси прослеживаются также античные традиции, пришедшие из греческих городов-колоний Причерноморья. Задолго до введения христианства наши предки познакомились с художественным творчеством и культурой Византии. Начиная с VI в. восточнославянские народы входят в непосредственное общение с народами Востока. В VII—VIII вв. у восточных славян возникают города. Итак, еще до образования Киевского государства, то есть до второй половины IX в., народы, населявшие нашу страну, достигли весьма заметных успехов в развитии материальной и духовной культуры.

С давних времен у славян сформировались традиции деревянного зодчества, и к тому времени, когда в Киеве возникли первые каменные сооружения, древнерусские города представляли особые развитые архитектурные организмы, а русичи славились как опытные градостроители[7].

Уже в VIII—IX вв. Киев был крупным по тем временам городом, в котором процветали ремесла, в том числе обработка камня и кости, ювелирное и оружейное дело.

Письменные источники и многие косвенные свидетельства позволяют утверждать, что, кроме обыкновенных жилищ, плотники языческой Руси закладывали основы монументального зодчества Киевского государства: строили храмы, крепости, другие оборонительные сооружения. Археологами обнаружены остатки двухэтажного княжеского терема-дворца, возведенного из тонкого кирпича не позднее начала X в., т. е. за полвека до введения в Киеве христианства. Строительный материал, а также другие детали свидетельствуют о том, что древнерусская архитектура достигла довольно высокого уровня развития еще в дохристианский период [8]. Задолго до официального введения христианства в 988 г. восточные славяне имели собственную письменность, черты и резы, при помощи которых писали, считали. Возникновение письменности на Руси обусловлено потребностями развивающегося феодального общества. Распространение грамотности в народных массах, о чем свидетельствуют находки берестяных грамот в Новгороде, Смоленске, Пскове, Витебске, Старой Руссе, надписи на многих ремесленных изделиях, храмах, способствовало созданию оригинальной древнерусской литературы [9].

О существовании письменности на Руси до введения христианства свидетельствуют также договоры с греками, известные из «Повести временных лет». Среди них особый интерес представляют договоры князей Олега (912 г.) и Игоря (945 г.), составленные в двух экземплярах на греческом и на славянском языках. Некоторые ученые считают, что письменность возникла самостоятельно в двух-трех восточнославянских центрах и распространя-

лась на Руси постепенно. Принятие единой письменности, после введения христианства, является закономерным продолжением духовного развития Киевской Руси дохристианского периода. Это создавало новые возможности для дальнейшего ускоренного развития самобытной древнерусской литературы, философии, которые своими мировоззренческими установками вступали в противоречие с литературой и философией византийских богословов.

Мистико-аскетический идеал, проповедуемый литературой и искусством византийских религиозных апологетов, противоречил всему строю духовной жизни славяно-языческой Руси.

Используя достижения византийского зодчества и живописи, Киевская Русь сохранила основу своей самобытной культуры, и византийские учителя — зодчие и живописцы — должны были считаться со вкусами своих учеников — древнерусских мастеров и художников. Древнерусское зодчество и живопись, отмечает академик Б. А. Рыбаков, «создавалось великим славянским народом, образовавшим свое государство — Русь» [10]. Сформировавшиеся на Руси еще до введения христианства художественные вкусы продолжают успешно развиваться. Привнесенная извне культура легла на твердую почву крепких славянских художественных традиций. Вот почему древнерусское искусство в отличие от византийского не было ни аскетическим, ни суровым, ни фанатичным. В нем ярко отразилась живая народная душа. Своей просветленностью и особой гармонией оно перекликается с античной живописью. Мироощущение древних славян определял культ природы, наивный,

часто глубоко поэтичный, рожденный непосредственной близостью человека к природе [11].

«Смягчая суровые византийские каноны, — отмечает известный исследователь древнерусского искусства В. Н. Лазарев, — русские живописцы стремились к более земному, к более свободному искусству. Они не боялись вводить в церковную роспись богатую растительность, делавшую столь привлекательным их райский сад, они облачали праведных жен в славянские одеяния, придавая лицам ангелов национальный отпечаток. Так постепенно традиционные формы начали наполняться новым содержанием, в котором русские черты заявляли о себе со все большей настойчивостью» [12]. Древнерусское искусство, творчески развивая византийскую художественную традицию, постепенно обрело собственное лицо, претерпело существенные изменения. Поэтому не следует преувеличивать значение церкви в развитии изобразительного искусства Киевской Руси.

Древнерусское искусство — это качественно новое явление в мировой культуре. Византийской живописи свойствен консерватизм, приверженность иконографическим образцам. Иконы подчеркивали духовный, неземной, сверхъестественный характер изображенных «святых». По сравнению с византийским древнерусское искусство несравненно демократичнее. В нем настойчиво пробивается народная струя, его формы менее отвлеченны, более полнокровны. В русской иконописи больше радостного, чисто чувственного восприятия мира, душой русской иконописи были краски. В них ярко проявились народные вкусы, совершенно изменившие суровый византийский

колорит своей ликующей жизнерадостностью. Древнерусское церковное искусство в основе своей глубоко народное, праздничное, и в то же время эмоциональное в трактовке традиционных сюжетов.

Проникновение на Русь одновременно с христианством различных форм литературы, искусства, архитектуры неправомерно рассматривать только как влияние более развитой культуры на менее развитую. Киевская Русь не просто заимствовала те или иные формы культуры, она творчески их перерабатывала и развивала, обогащая национальную традицию.

Создание эстетических ценностей Древней Руси в религиозной форме объясняется конкретно-историческими условиями эпохи. Положение Ф. Энгельса о том, что в эпоху феодализма «в руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем» [13], полностью относится и к феодально-крепостнической Руси. Православие стремилось подчинить себе все формы общественного сознания, в том числе искусство.

«Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим», — писал Ф. Энгельс [14]. Архитектура храмов, их живописное и мозаическое убранство внушало молящимся, что государство должно покоиться на авторитете княжеской власти, столь же незыблемой, как и власть бога. Произведения церковного зодчества и искусства создавались не для удовлетворения эстетических чувств людей, а для укрепления позиций религии, освящения

эксплуататорского строя. Классовая сущность религиозной идеологии и социальной позиции православной церкви четко определена В. И. Лениным. «Мы... очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы» [15].

Церковь использовала эмоционально-образную природу искусства, включила его в свой культ и на протяжении столетий с его помощью занимается обработкой человеческой психики и сознания. Богословы пытаются представить искусство как вид духовной деятельности, подчиненной религии, низшую, несовершенную форму постижения божества. Иконопись церковь стремилась свести лишь к выражению богословских догматов и идей. В действительности же содержание творений талантливых древних иконописцев гораздо богаче и глубже их богословской трактовки. Они являются художественными и историческими памятниками эпохи, народа. Действительное искусство, даже если оно заимствует сюжеты у религии и служит религиозным целям, обладает собственной сущностью, качественно отличной от религии и даже противостоящей ей. Преодолевая религиозные каноны, церковные предписания и запреты, художественный гений народа создал шедевры архитектуры и живописи, исполненные жизненной правды, пронизанные идеями и страстями эпохи, озаренные любовью к человеку. Даже очень условная форма не помешала лучшим произведениям иконописи воплотить гуманистические идеалы своего времени, важные социально-этические проблемы, волновав-

шие людей той эпохи, когда жил и творил художник.

Глубоко философское осмысление исторических задач Руси конца XIV — начала XV вв., периода борьбы русского народа против золотоордынского нашествия, нашло отражение в иконе Андрея Рублева «Троица». Художник отразил идеи, которые были продиктованы потребностями эпохи, сплочения и единения русского народа в борьбе с врагами родной земли. «Троица» написана на сюжет библейской легенды, основным мотивом которой является жертвоприношение с пролитием крови. Однако искусство Андрея Рублева вовсе не созвучно мрачному церковному вероучению с его нетерпимостью и прямой жестокостью. Андрей Рублев как художник своей эпохи мог рисовать только ангелов и святых. Но они были написаны для людей, отражали мысли и чувства людей рублевской эпохи. На картине изображен мир тишины и покоя — просветленного, благотворного.

В рамках религиозного искусства великие художники выразили присущие их эпохе народные представления о человеческом достоинстве, свойствах и чувствах: мужество, честность, мудрость, верность, любовь матери к ребенку. Советский искусствовед И. Грабарь писал о «Владимирской богоматери» (икона первой половины XII в.): «Этого выражения глаз, бесконечно любящих и бесконечно скорбных, не удается передать ни одному копиисту. Несравненная, чудесная, извечная песнь материнства — нежной, беззаветной, трогательной любви матери к ребенку» [16].

Безусловно, верующий древнерусский человек воспринимал «Владимирскую богоматерь»

не как произведение искусства, а как предмет религиозного культа. Но он прекрасно понимал весь трагизм земной матери, который отразился в иконе. Образ благородной материнской скорби, переданной с таким вдохновенным мастерством, глубоко захватывал русских людей того времени. Именно эта скорбь женщины-матери волновала средневекового человека. Для нас, атеистов, икона богоматери с ребенком на руках воспринимается как антирелигиозная картина. Посылая мать и сына на мучения, бог хотел этим показать свою власть над человеком, необходимость жертвы в его имя. Каким же жестоким и антигуманным представляется догмат христианской религии об искупительной жертве Христа! Этот догмат ассоциируется с жертвоприношением детей богу Молоху в древней Финикии за 2 тыс. лет до возникновения христианства. Там в раскаленную пасть Молоха бросали детей-первенцев в сопровождении ритуальных танцев под удары бубна.

Глубокая идейность, страстная взволнованность чувств, высокое художественное мастерство свойственны лучшим произведениям древнерусской иконописи, которыми гордятся и наши современники. Вызывают восхищение памятники древнерусского культового зодчества — церковь Покрова на Нерли, Дмитриевский и Успенский соборы во Владимире и др. Советский искусствовед Л. Любимов писал: «Не найти им подобных в иных странах, ибо могли они возникнуть только на русской земле, олицетворяя тот идеал красоты, который сложился и достиг столь замечательного расцвета в тогдашнем главном центре этой земли. Ведь именно в этих памятниках раскры-

вается душа нашего народа в определенный период его исторического развития, равно как сознание его национальной самобытности, любовь к своей земле, красоту которой они были призваны увенчать не только для своего времени, но и для всех последующих поколений русских людей» [17].

За тысячелетия существования православная церковь накопила богатейший опыт использования изобразительного искусства, главным образом иконописи, для утверждения и распространения своих идеалов. Однако искусство, которое складывалось в условиях духовного господства православия, никогда не было его полной монополией.

Всем своим глубоко идейным, земным содержанием величайшие произведения иконописи не только выходят за пределы религиозного мировоззрения, но и противостоят ему. То же можно сказать и о церковной музыке. В лучших произведениях древнерусского певческого искусства гениально отражен духовный мир человека той эпохи, запечатлены переживания, вызванные его непосредственным общением с жизнью и природой. В них раздумья человека над извечными вопросами смысла человеческой жизни. Таким образом, подлинные произведения культового искусства утверждали ценности земного бытия, а не звали в потусторонний мир. Поэтому, как писал А. В. Луначарский, «если церковь пользовалась широко искусством... если религия эксплуатировала искусство, то она и боялась искусства. Она боялась, что искусство, ставши светским, вырвавшись из-под влияния церкви, но сохраняя все свое обаяние, может оказаться антирелигиозной силой» [18].

Деятели русского православия выводили из православия особый идеал, который якобы присущ духу и сердцу русского человека [19].

Тезис православных богословов о том, что с введением христианства на Руси русский народ стал глубоко религиозным народом, опровергается давними традициями свободомыслия, антиклерикализма, религиозного скептицизма, свойственными русской литературе и искусству на протяжении всей его истории. «Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии. Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на его счет... Множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии...», — писал А. И. Герцен в статье «Россия» [20].

Несостоятельность православно-богословских стремлений представить духовную культуру Руси как «единый поток», питаемый религией, опровергается историческими фактами. Наряду с официальной церковной культурой, насаждаемой господствующим классом, существовала и народная, которая нередко была враждебно настроена к ортодоксальному православию. В частности, антицерковное направление культуры Древней Руси в эпоху феодализма выражалось в разнообразных пародийных литературных произведениях, многочисленных обрядово-зрелищных смеховых формах, творцами которых были скоморохи [21]. Скоморошество уходит корнями в V—VI вв. или еще глубже, к праславянским племенам, жившим в I тысячелетии до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. Искусству скоморохов свойственны оптимизм, полнокровное и несокрушимое жизнелюбие.

Христианство с первых лет утверждения на Руси вступило в непримиримый конфликт со скоморошеским искусством, боролось с «дьявольскими позорищами» и «бесовскими игрищами». Участникам таких развлечений грозило наказание: отлучение от причастия наравне с иными вероотступниками, заподозренными в общении с сатаной. Гонения на скоморохов были также частью политики самодержавия, направленной на поддержание престижа государственной церкви [22]. Царские указы 1648 г. узаконили преследование и истребление скоморошества. На скоморохов устраивались облавы, их гнали из сел и городов, клеймили проклятиями с амвонов, ломали и сжигали музыкальные инструменты, сажали под арест, отправляли в ссылку. Разгром скоморошества царскими властями по настоятельному призыву православной церкви расценивается как преступление перед национальной культурой. Сокрушив скоморошество, православная церковь растоптала глубинные родники русского национального театра [23].

Частью древнерусской художественной культуры является также устное народное творчество, уходящее своими корнями в глубокую древность. Это творчество развивалось не только независимо от православной церкви, но и в глубоком и непримиримом мировоззренческом конфликте с ней.

В устном поэтическом творчестве отражено стихийное народное мировоззрение, неверие и откровенно антицерковные настроения. Былины, сказки, поговорки пронизаны здравым смыслом, трезвым, насмешливым отношением к религиозной вере, церковной службе и духовенству.

На всех этапах истории Русского государства православие нетерпимо относилось к самобытному творчеству и духовной жизни народа, жизнеутверждающей народной культуре, в которой трудящиеся художественными средствами решали вопросы земного бытия. Изобразительное искусство Руси, использовавшее христианские образы и сюжеты, основывалось на мощном пласте народного искусства. Поэтому библейские образы и сюжеты трактовались весьма свободно. Никакие церковные запреты не могли уничтожить неугодное церковному канону творчество. Используя традиционные христианские образы — Иисуса Христа, богоматери, «святых», живописцы и резчики вкладывали в них вполне земные настроения и чаяния, придавали им местный колорит, облачали в народные одежды.

Сквозь насаждаемое церковью и государством искусство пробивалось народное мироощущение с его выработанными самой жизнью критериями добра и зла. Художественное оформление русских церквей в большинстве случаев не было строго каноническим. На стенах церквей нередко встречаются изображения, далекие от религиозного содержания. Так, на фресках башен Софийского собора в Киеве изображены игры скоморохов, княжеская охота, другие бытовые сцены. Нехристианские сказочные сюжеты преобладают в каменной резьбе, покрывающей стену Дмитриевского собора во Владимире (XII в.). Эту стену принято называть каменной книгой. Она отражает здоровое, радостное и жадное к жизни мироощущение средневекового человека, далекое от мистики и христианского учения о греховности земного бытия. Здесь ска-

чут барсы и львы, изображены фантастические животные, крылатые грифоны, кентавры, цветут диковинные цветы, растут необыкновенные деревья.

Дохристианское поклонение деревянным идолам отразилось в деревянной скульптуре, созданной безвестными народными мастерами русского Севера и Урала. А. В. Луначарский писал о пермской деревянной скульптуре: «Оригинальная нота... которая пронизывает эту скульптуру, есть нота языческая, нота инородческая, идущая несомненно и прямо от пермяцкой культуры идолопоклонников» [24].

Современные православные богословы умалчивают о той реакционной роли, которую сыграло православие в истории культуры нашего народа. В частности, русская православная церковь повинна в исчезновении многих произведений деревянной скульптуры. Святейший Синод, борясь с язычеством и инакомыслием, указами 1722, 1767, 1832 гг. запрещал скульптурные изображения в церквах, призывал уничтожать их [25]. Были сожжены апокрифы и сочинения, в которых упоминались боги язычников. Вероятно, по вине церкви до нас не дошли рукописи произведений, подобных «Слову о полку Игореве».

Вопреки историческим фактам, богословы стремятся представить православную церковь покровительницей искусств, на протяжении веков заботившейся о создании и сбережении художественных ценностей. Но церковь никогда не рассматривала ни иконы, ни фрески в качестве произведений искусства.

История древнерусской иконописи — это история противоборства иконописного канона и

творческого воображения художника, питавшегося жизненными впечатлениями. Православие, как и всякая иная религия, связывающая истинные ценности с потусторонним миром, объективно выражает откровенно враждебное отношение к культурным ценностям [26]. Как пустоцвет на дереве познания православие ничего не создает, его идеология противоречит истинному познанию, в частности познанию действительности в художественной форме. Христианская церковь требовала от художника создания произведений, которые уводили бы сознание людей из мира реального, земного в мир вымышленный, потусторонний.

Искусство же по своей художественной природе всегда тяготеет к живительному источнику — жизни. Против идеализации роли православной церкви в развитии древнерусского искусства, в судьбах его выдающихся творений свидетельствуют многие факты. Русская иконопись, без которой невозможно представить мировое изобразительное искусство, была открыта на рубеже прошлого и нынешнего веков — и не церковными деятелями, а художниками, учеными-искусствоведами. Далеко не завидной была судьба шедевров древнерусской иконописи «Владимирской богоматери» и «Троицы» Андрея Рублева. «Владимирская богоматерь» была закрыта дорогим окладом и когда в конце 1918 г. реставраторы сняли его, то выяснилось, что истинное изображение неоднократно записывалось. Золотая риза была прибита к иконе гвоздями, краски начали осыпаться. «Троицу» Андрея Рублева закрашивали по крайней мере трижды. В сущности Рублев был открыт

только в советское время. Раньше даже «Троицу» не считали его бесспорным произведением. Чудовищной была судьба другого рублевского шедевра, так называемого «Звенигородского чина». В 1918 г. в Звенигороде в церкви Успения и возле нее на Городке были обнаружены три иконы из иконостаса. Две из них — «Архангел Михаил» и «Апостол Павел» — валялись в сарае при церковной сторожке; их подложили под кладку дров, чтобы те не отсырели. Третья — «Спас» — служила ступенькой лестницы, ведущей к колокольне.

Такова же и судьба древнерусского церковного зодчества. Достаточно отметить, что в конце XVIII в. игумен Боголюбова монастыря получил разрешение владимирского епископа разобрать церковь Покрова на Нерли, шедевр зодчества XII в., поэму в камне, чтобы использовать материалы для строительства монастырской колокольни. Церковь уцелела лишь благодаря тому, что заказчики и подрядчики не сошлись в цене[27]. Более ста лет назад А. К. Толстой писал: «Именно духовенство — отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников»[28].

Религия всегда была и остается врагом общечеловеческой культуры как по своей гносеологической природе, так и по специфической социальной сущности. Между тем, как отмечалось выше, в сознании тех, кто воспринимает религию в ее модернистских, приукрашенных формах, создается искаженное представление о ее роли в истории развития

духовной культуры. Некоторые наши писатели, искусствоведы, историки не совсем критически подходят к оценке исторического прошлого, освещают вопрос о роли религии и церкви в истории духовной культуры народа с неправильных методологических позиций. Они преувеличивают их роль в русском искусстве и культуре, объективистски трактуют те или иные моменты ее истории[29]. В отдельных произведениях наблюдается любование памятниками религиозного культа, их идеализация, стремление отождествить культуру русского народа с православием. Увлечение религиозной тематикой свойственно и некоторым кинокартинам, в которых театрально возвышенно, эстетически напыщенно показаны церковные церемонии. Нельзя отождествлять социальные функции религии и церкви. Православие как форма общественного сознания, идеология на всех этапах истории играло реакционную роль. Церковь как социальный институт в определенных конкретно-исторических обстоятельствах могла играть и положительную роль. Церкви были заказчиками произведений живописи, в монастырях писались летописи. Известна и патриотическая деятельность некоторых церковников в период национально-освободительных движений русского народа против иноземных захватчиков. Другими словами, эти положительные моменты определяются не религиозными функциями церквей и монастырей. Необходимо помнить, что далеко не вся церковная живопись имеет эстетическую ценность. Бездоказательно приписывать отдельные, как правило, весьма скудные заслуги того или иного монастыря всем православным монастырям во все исто-

рические эпохи[30]. Неопровержимым доказательством является тот факт, что монастыри были крупными землевладельцами и жестокими эксплуататорами крестьян. Самодержавие и церковь создали сеть монастырских тюрем, в числе их наиболее известные: Спасо-Евфимиев и Покровский монастыри в Суздале, Соловецкий монастырь, Ивановский монастырь в Москве. В годы гражданской войны и иностранной интервенции монастыри нередко служили складами оружия белогвардейцев и иностранных интервентов.

Неразборчивая увлеченность историческим прошлым — следствие непонимания социально-классового характера исторического наследия. Такое непонимание приводит к недооценке антагонистических отношений в эксплуататорском обществе и реакционной роли религии и церкви.

В Политическом докладе ЦК партии XXVII съезду КПСС отмечается, что «под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки. . .» [31]

Поэтому актуальным в наше время является ленинский тезис о том, что особенно опасна «*тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки» [32].

Как в прошлом, так и в настоящем православие по своей природе — антипод подлинной духовной культуры, его идеология направлена против свободы мысли, свободы творчества.

Модернизм религии нельзя понимать как изменение ее социальной природы и функций, будто бы она перестала быть антинаучной и реакционной и может служить прогрессу. Интерес к прошлому, в частности к эстетическим ценностям, связанным с религией, может автоматически переноситься на нее.

Служители православной церкви, учитывая интерес молодежи к искусству прошлых эпох, активизируют свою деятельность по пропаганде памятников религиозного искусства.

Самоапология православной церкви требует со стороны пропагандистов научного атеизма глубокой исторической подготовки, умения всесторонне проанализировать памятники духовной культуры прошлого, связанные с религией, и не только с точки зрения их эстетической ценности. Оценка эстетических достоинств памятников культового искусства без раскрытия реакционной роли религиозной идеологии означает отступление от последовательно классовых позиций, забвение ленинских указаний о непримиримости к религиозным пережиткам, в каком бы виде они не проявлялись. «Материализм, — писал В. И. Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[33].

Классовый, партийный подход к оценке культурного наследия прошлого является определяющим методологическим принципом марксистского анализа произведений искусства и зодчества, связанных в той или иной степени с религией. Необходимо руководствоваться ленинским положением о двух культурах в условиях классово-антагонистических

формаций. «Мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре. . .» [34]

В эпоху средневековья, от которой дошло немало памятников церковного искусства, религия была господствующей формой идеологии. Ф. Энгельс подчеркивал, что в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» [35]. При ознакомлении с памятниками церковного искусства, которые в нашей стране стали доступными самым широким слоям трудящихся, необходимо помнить, что эстетическое восприятие непременно соединяется с идейной, мировоззренческой оценкой их как в прошлом, так и сегодня. Недопустимым является тот факт, что некоторые экскурсоводы, музейные работники ограничиваются лишь характеристиками эстетической, художественной ценности памятников церковного искусства, не дают им мировоззренческой оценки, не раскрывают специфического воздействия религии на искусство, не подходят к характеристике памятника с последовательных партийно-классовых позиций. Учитывая то, что эстетические ценности несут на себе определенную идеологическую нагрузку, необходимо руководить процессом их восприятия и освоения нашими современниками.

Чтобы произведения древнерусского церковного искусства и зодчества служили делу коммунистического воспитания, сердцевиной которого является формирование научно-материалистического атеистического мировоззрения, необходимо руководствоваться четкими

марксистско-ленинскими принципами. Эстетическую, художественную ценность того или иного произведения искусства необходимо связывать с его классовой направленностью и содержанием. Отношение к культурному наследию прошлого — арена острой идейной борьбы. Классики марксизма-ленинизма, анализируя единство исторического процесса, преемственность его развития, обосновали историческую значимость культуры прошлого. Подчеркивая, что социалистическая революция в ходе своего развития «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого» [36], они в то же время указывали на необходимость широкого использования культурного наследия в интересах нового общества. В. И. Ленин отмечал, что в задачу социалистического государства входит «не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» [37]. Ценности культуры, созданные прогрессивными классами антагонистического общества, входят в общечеловеческое культурное наследие, они используются и осваиваются все новыми поколениями людей. Осознав свое социально-историческое положение, пролетариат не боится прошлого, а усваивает все достижения предшествующей цивилизации, в том числе в области культуры. Среди творений, созданных многовековым трудом нашего народа, видное место занимают художественные памятники, так или иначе связанные с религией. Из более чем 20 тыс. архитектурных памятников, находящихся под охраной госу-

дарства, свыше 13 тыс. были в прошлом или остаются ныне культовыми зданиями[38].

Классики марксизма-ленинизма призывали в оценке культурного наследия прошлого соблюдать принцип историчности, научности, объективности. Важно учитывать, что все произведения церковного искусства выполняли две функции — религиозную и эстетическую. Искусство, включенное в систему религиозного культа, не теряло своей эстетической функции. Церковь это понимала и стремилась нейтрализовать эстетическую и сохранить только религиозную функцию церковного искусства. Соотношение этих функций может быть разным в каждом конкретном случае и зависеть от обстоятельств как объективного, так и субъективного порядка. Далеко не все произведения церковного искусства имеют одинаковую эстетическую ценность. Из громадного количества древнерусских православных икон как подлинные жемчужины выделяются произведения Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия Черного и других талантливых мастеров. Большинство же икон—ремесленные религиозные поделки богомазов. Важную роль в восприятии произведений церковного искусства играет также его общее окружение, включенность в социально-идеологическую систему. Икона в церкви выполняет религиозную функцию, а в музее — только эстетическую.

Имея в виду собрания скульптуры античных богов в музеях, А. В. Луначарский писал: «Никому не придет в голову говорить о том, что посещение экскурсией музея статуй античных богов может разбудить в сердцах экскурсантов тлеющее там религиозное

чувство. Эти боги умерли, поэтому они прекрасны. Мы видим в них сгусток человеческой мечты, порыв к совершенству... Христос умер для нас, и хотя он, на наш взгляд, далеко менее прекрасный бог, чем эллинский Аполлон, но тем не менее мы можем находить в известных его отражениях большую эстетическую ценность»[39].

Соотношение двух функций церковного искусства зависит также от того, кто его воспринимает: верующий или атеист. Для верующего икона или фреска — предметы религиозного культа, наделенные сверхъестественной силой. Большинство советских людей восхищаются эстетическим уровнем произведений древнерусской иконописи. «Было бы глубоким заблуждением оторвать пропаганду памятников культуры от атеистического воспитания трудящихся. Атеистическая направленность особенно важна при рассмотрении памятников религиозного искусства. Задача состоит в том, чтобы научное освещение ценности этих памятников становилось все более существенным фактором атеистического воспитания трудящихся», — пишет Д. М. Угринович[40].

Наши идеологические противники обвиняют атеистов в бездуховности, отрицании искусства, связанного с религией. В действительности же марксизм-ленинизм никогда не занимал и не занимает нигилистических позиций относительно прогрессивной культуры прошлого. Бережное отношение к наследию прошлого не должно уводить нашего современника от реальной окружающей действительности, превращать его из активного участника исторического процесса в созерцателя старины[41].

В последнее время усиливается интерес трудящихся, особенно молодежи, к культурному наследию страны, в частности к древнерусской живописи и зодчеству. Древнерусское искусство стало предметом глубокого изучения и восхищения. Этот факт свидетельствует о преемственности поколений в процессе усвоения духовной культуры. Взгляд в прошлое, помимо обогащения культурным и историческим опытом, позволяет глубже понять современность, острее почувствовать ее актуальные проблемы [42].

Известный исследователь древнерусского искусства академик Д. С. Лихачев подчеркнул: «Мы должны поставить памятники культур прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками... Одно из важнейших свидетельств прогресса культурных ценностей прошлого и культур других национальностей умение их беречь, накоплять, воспринимать их эстетическую ценность» [43].

С первых дней существования Советская власть проявила заботу о выдающихся памятниках искусства, в том числе культового. В декрете Совета Народных Комиссаров (апрель 1918 г.) в числе художников, которым предполагалось поставить памятники, значилось имя Андрея Рублева. Памятники истории и культуры охраняются в нашей стране в законодательном порядке. «Советское государство не вело и не ведет войны с культурным достоянием прошлого, хотя бы это были предметы религиозного культа — храмы, церковная утварь и т. п. Наоборот, оно принимает все меры к сохранению, изучению и исполь-

зованию всего того ценного, что имеется в культурном наследии прошлого и что может быть употреблено для создания новой культуры», — писал А. В. Луначарский [44]. В 1976 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Зо Львовской области сосредоточена почти треть архитектурных памятников УССР, находящихся под охраной государства, из них более 300 — культовые сооружения [45]. Во Львове таких памятников 27. Ежегодно в области на их реставрацию затрачивается более 7000 р. Выделяя эти средства, Советское правительство руководствуется тем, что в архитектурных ансамблях материализованы культура, мастерство многих поколений, возрожденная красота будет нужна всем [46].

Ряд культовых сооружений Львова используются в культурных и пропагандистских целях. В частности, в бывшем Доминиканском соборе разместилась экспозиция Музея истории религии и атеизма, костеле Стретения (XVII в.) — Дом качества, стандартизации и метрологии, костеле бернардинцев — Музей монументальной скульптуры, церкви св. Онуфрия — музей книгопечатания им. Ивана Федорова, костеле Марии Магдалины — органный зал. Часовня Боимов открыта как филиал картинной галереи. Подлинными шедеврами зодчества являются: ансабль из трех памятников — Успенская церковь, часовня трех святителей и башня Корнякта; церковь Параскевы-Пятницы, Доминиканский собор, церковь св. Юра. Подчеркивая познавательное значение и эстетическую функцию памятников религиозного искусства, необходимо

помнить и об их идеологической функции. Назначение каждого памятника архитектуры, иконописи, музыки состояло не в том, чтобы удовлетворять эстетические потребности людей, а в том, чтобы укреплять веру в сверхъестественное, мистическое, освящать непоколебимость эксплуататорского строя, духовное порабощение трудящихся. В. И. Ленин в письме к М. Горькому подчеркивал: «Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей» [47].

Правильная оценка культовой архитектуры и искусства возможна лишь при критическом их анализе в конкретно-исторических условиях эпохи на основе партийного, классового подхода к их характеристике. Оценивая памятники церковного искусства, необходимо помнить ленинское указание о необходимости рассматривать «каждое положение... исторически... лишь в связи с другими... лишь в связи с конкретным опытом истории» [48]. Доминиканский собор, построенный в XVIII в. во Львове в стиле барокко, — архитектурно-эстетический памятник, созданный руками людей. Но наш современник помнит и о том, что это памятник социального, национального и духовного порабощения украинского народа. Орнаментальное богатство каменных масс, утонченность архитектурного оформления, блеск позолоты служили средством убеждения трудящихся в могуществе польской феодальной знати и незыблемости католической

религии. Львовская церковь св. Юра (XVIIIв.) представляет собой оригинальное архитектурное сооружение, которое прочно вошло в историю украинского зодчества. Но мы не должны забывать и о том, что долгое время он служил форпостом униатства и мракобесия. Принцип классовости является тем идеологическим компасом, которому необходимо следовать при оценке роли религии и церкви в истории духовной культуры народа. Необходимо отличать реакционную религиозную идеологию от культурных ценностей, которые выступают в религиозной форме. Социалистическая атеистическая культура выражает главные тенденции процесса исторического развития и прочно связана с борьбой за всесторонний социальный и духовный прогресс человечества. Будучи органической составной социалистического сознания и социалистического образа жизни, научный атеизм является важнейшим условием всестороннего развития человека. В условиях социалистического общества религия перестала оказывать какое бы то ни было влияние на развитие культуры. Социализм утверждает и совершенствует социальные, духовные и культурные ценности. Величайшая заслуга теории и практики научного социализма состоит в том, что, осваивая и распространяя позитивное достояние прошлого, он привносит в мировую сокровищницу цивилизации гуманные принципы взаимоотношений общества и индивида, нового содержания жизнедеятельности людей в разных сферах бытия. Подлинная культура социализма создана новым типом цивилизованности людей, для которых характерны коммунистическая убежденность, четкая политическая ори-

ентация, социалистическая направленность общественных, нравственных и эстетических идеалов.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось: «Формировать, возвышать духовные потребности человека, активно влиять на идейно-политический и нравственный облик личности — важнейшая миссия социалистической культуры» [49]. Большой вклад в обогащение духовной жизни советских людей, в их воспитание вносит литература и искусство социалистического реализма. В идейной борьбе против пережитков прошлого исключительно большое значение имеют те произведения художественной литературы и искусства, в которых убедительно, с большой художественной правдой изображены социально активные характеры высокой одухотворенности, неразделимого единства слова и дела, коммунистической убежденности и действия.

В Программе КПСС отмечается, что литература и искусство призваны служить интересам народа, делу коммунизма, источником радости и вдохновения для миллионов людей, активно помогать их идейному воспитанию [50].

Проблема воспитания нового человека не может быть решена без помощи искусства. Четкость мировоззренческих позиций, правильная оценка значения религии в развитии человеческой культуры, показ ее отрицательной роли в развитии прогрессивных тенденций художественного творчества, раскрытие жизнеутверждающей природы атеизма — необходимые условия, обеспечивающие активное участие искусства в становлении научного мировоззрения советских людей.

[1] *Зоц В.* Несостоятельные претензии. М., 1976. С. 33.

[2] *Лещинский А. Н.* Генезис и эволюция традиционной православной концепции культуры // Вопр. науч. атеизма. М., 1982. Вып. 30. С. 134.

[3] *Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 420.

[4] Атеїзм і культурний прогрес. С. 147.

[5] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 415.

[6] *Зоц В.* Несостоятельные претензии. С. 19.

[7] *Асєєв Ю. С.* Джерела. Мистецтво Київської Русі. К., 1980. С. 38.

[8] *Толочко П. П.* Древний Киев. С. 28—31.

[9] Бесценные сокровища народа. К., 1984. С. 99.

[10] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 5.

[11] *Любимов Л.* Искусство древней Руси. М., 1981. С. 87.

[12] *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М., 1973. С. 37—38.

[13] *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 360.

[14] *Энгельс Ф.* Юридический социализм // Там же. Т. 21. С. 495.

[15] *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

[16] *Грабарь И.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 211.

[17] *Любимов Л.* Искусство Древней Руси. С. 134.

[18] *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? С. 405.

[19] *Бокарев К. М.* Влияние духовной культуры на преодоление религии и развитие массового атеизма // Атеизм и социалистическая культура. М., 1971. С. 8—9.

[20] *Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 211.

[21] *Угринович Д. М.* Культура и религия // Вопр. науч. атеизма. М., 1982. Вып. 30. С. 21.

[22] *Шамаро А. А.* Православие и русская культура: церковные притязания и историческая реальность. М., 1980. С. 49.

[23] Там же. С. 56.

[24] *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? С. 381.

[25] Угринович Д. М. Искусство и религия. М., 1982. С. 157.

[26] *Зоц В.* Несостоятельные претензии. С. 94.

[27] *Любимов Л.* Искусство Древней Руси. С. 138.

[28] *Толстой А. К.* Собрание сочинений. В 4 т. Л., 1980. Т. 4. С. 344.

[29] *Пищик Ю. Б.* Отношение к культурному наследию прошлого как социально-историческая проблема. С. 73—78.

[30] *Шамаро А. А.* Памятники церковного зодчества в атеистическом воспитании // Вопр. науч. атеизма. М., 1982. Вып. 30; С. 278—279; *Фуров В. Г.* Грани наследия. М., 1985.

[31] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 53—54.

[32] *Ленин В. И.* А. М. Горькому, ноябрь 1913 г. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 227.

[33] *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 419.

[34] *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

[35] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 314.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 446.

[37] *Ленин В. И.* Набросок резолюции о пролетарской культуре // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 462.

[38] *Пищик Ю. Б.* Отношение к культурному наследию прошлого как социально-историческая проблема. С. 67.

[39] *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? С. 368—369.

[40] *Угринович Д. М.* Искусство и религия. С. 201.

[41] Атеизм и духовная культура. С. 235.

[42] *Бычков В. В.* Византийская эстетика. М., 1977. С. 5.

[43] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. С. 407.

[44] *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? С. 378.

[45] *Романюк Н.* Відроджені, щоб нести світло // Людина і світ. 1985. № 9. С. 11.

[46] Комсомольская правда. 1977. 3 февр.

[47] *Ленин В. И.* А. М. Горькому, ноябрь 1913 г. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

[48] *Ленин В. И.* И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

[49] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 47.

[50] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях глубокого идейного кризиса православия активизировались попытки реабилитировать его историю, придать ему репутацию защитника интересов трудящихся.

Богословы стремятся представить историческую деятельность церкви только с положительной стороны, обелить классовую суть религии и церкви в эксплуататорском обществе и путем фальсификации исторических фактов убедить верующих в «народности» православия, усилить религиозное воздействие на них.

Введение христианства на Руси представляло собой лишь идеологическое оформление тех объективных, социально-экономических и политических условий развития древнерусского общества конца X в., которые были порождены усилением процесса его феодализации. Исторические факты убедительно свидетельствуют о том, что никакого единовременного акта крещения Руси, как твердят апологеты православия, не было, что процесс насильственного насаждения христианства господствующими классами среди трудящихся масс Руси растянулся на столетия. Народ оказывал решительное сопротивление, поскольку христианская религия идеологически оправдывала эксплуатацию, освящала усиление феодальной зависимости народных масс Киевской Руси. Православные церкви и монастыри превратились в крупных феодалов-эксплуататоров, ссылками на Библию оправдывающих и защи-

щающих власть имущих. Канонизированные православные «святые» были в абсолютном большинстве представителями эксплуататорских классов, преследовали передовых мыслителей, свободомыслящих, сеяли недоверие к разуму, насаждали мистицизм и суеверие, чтобы отвлечь трудящихся от участия в классовой борьбе.

Наряду с новой, христианской религией, насаждаемой феодальной верхушкой на Руси, долго сохранялись предшествующие ей политеистические религиозные верования. Православие впитало в себя и сохранило многие магические, фетишистские, тотемистические элементы религии древних славян.

В связи с социальным и научным прогрессом, обострением классовой борьбы постепенно складывались и развивались на Руси традиции свободомыслия, антиклерикализма, атеизма.

Совершенно несостоятельным является православно-богословский тезис о будто бы определяющей роли православия и церкви в становлении и развитии культуры, прежде всего письменности. Исследования советских историков и археологов убедительно доказали, что письменность на Руси возникла в результате объективных, внутренних потребностей развития феодального общества, примерно в VII—VIII вв., т. е. за два-три столетия до официального принятия христианства. Введение христианства на Руси дало импульс дальнейшему развитию письменности. Однако христианство не было и не могло быть главным, изначальным фактором развития письменности на Руси, как утверждают богословы. Церковь нуждалась в грамотных людях, которые

могли бы переписывать богослужебные книги, «жития святых» для распространения и утверждения религиозных идей среди народных масс. Сосредоточивая письменность в монастырях, духовенство руководствовалось прежде всего потребностями укрепления религиозной идеологии, освящающей феодальные порядки, а не заботой о просвещении трудящихся. Православная церковь как составная часть государственного эксплуататорского аппарата преследовала передовых демократических писателей, художников, всячески тормозила распространение просвещения среди народа. Она всегда враждебно относилась к народному творчеству (театрализованным бытовым обрядам, хороводам, народной сатире и т. п.), потому что они были насыщены идеями свободомыслия, антиклерикализма, атеизма, разоблачали эксплуататорскую сущность духовенства и помещиков. Анализ содержания народного творчества—атеистического, антиклерикального в своей сущности — свидетельствует о полной несостоятельности попыток современных теологов представить православие источником и катализатором духовной культуры народа. Несмотря на угнетение и жестокий церковный контроль, великие древнерусские мастера — зодчие, скульпторы, художники — сумели отразить в своих гениальных произведениях реальную жизнь, опирались на традиции народной культуры. На основании Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» под охраной государства находится около 150 000 памятников истории, археологии, архитектуры [1], в том числе истинные шедевры народного гения. В Программе КПСС отмечается, что в

нашей стране создана передовая культура, вбирающая в себя все лучшее из культуры общемировой[2]. Это еще одно свидетельство бережного отношения Советского государства к культурным ценностям.

Историческая конкретность, научность, коммунистическая идейность, принципиальность — вот те критерии, которые лежат в основе марксистско-ленинского отношения к культурному наследию прошлого и которыми нам необходимо руководствоваться на практике.

[1] Аргументы. М., 1983. С. 15.

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 128.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Атеистическая библиотека студента

Ольга Николаевна Цыбенко
Алла Николаевна Симончик

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ВВЕДЕНИИ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

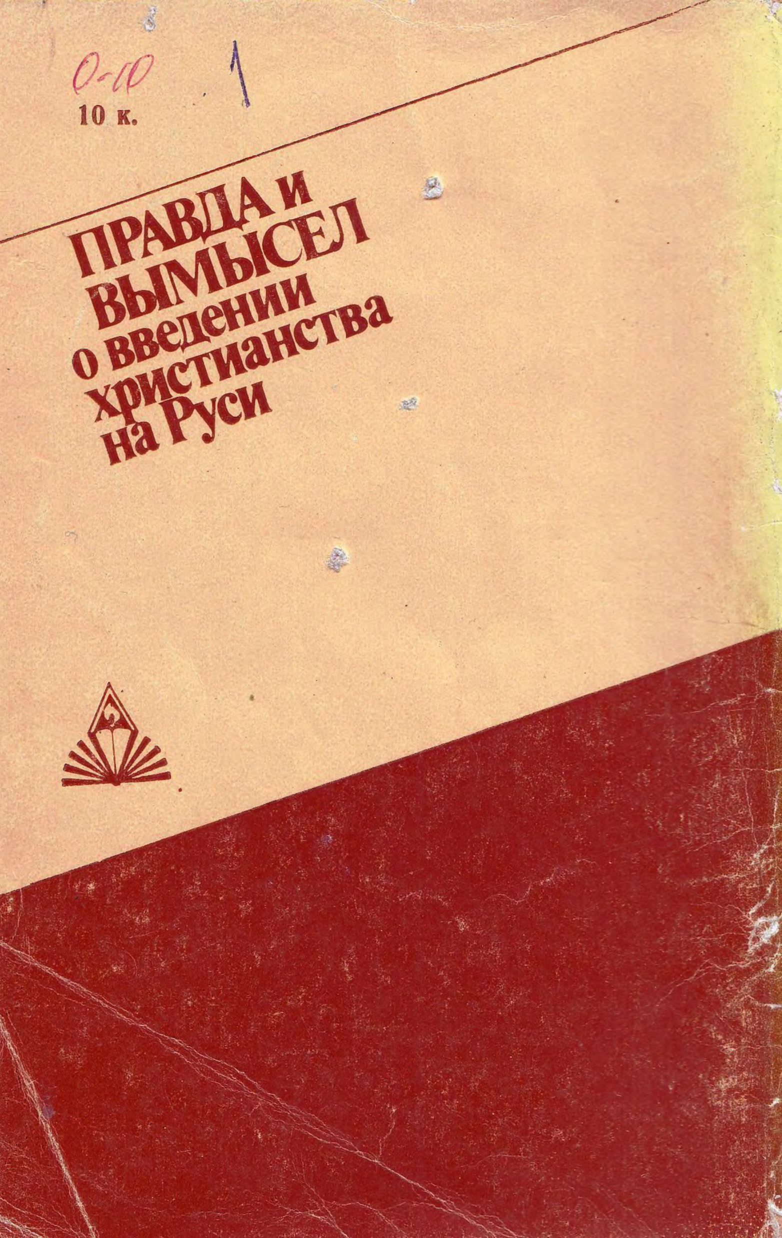
Редактор Г. П. Генгало
Художественный редактор Э. А. Каменщик
Технический редактор С. Д. Довба
Корректор М. Т. Ломеха

Информ. бланк № 11968

Сдано в набор 26.11.86. Подп. в печать 19.05.87. БГ 10489. Формат 70Х90 1/32. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печать. Усл. печ. л. 2,63. Усл. кр.-отт. 2,92. Уч.-изд. л. 2,71. Тираж 3000 экз. Изд. № 1435. Заказ 4129. Цена 10 к.

Издательство при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища школа»
290000 Львов, ул. Университетская, 1.

Львовская областная книжная типография,
290000 Львов, ул. Стефаника, 11.

0-10
1
10 к.
ПРАВДА и ВЫМЫСЕЛ о введении христианства на Руси